

«Даже если признать, что этот красавец вызывает у меня любопытство и мимолетную симпатию, и даже если он действительно вознамерился осмотреть мои раны, это не оправдывает его наглости. Сначала прижал к постели за плечи, не давая подняться, а теперь и вовсе лишил возможности шевелиться, запечатав акупунктурные точки. Настоящий разбойник, прикрывающийся заботой о больном!»

Выглядит так, словно сошел со страниц древних сутр — возвышенный, отрешенный от мирской суеты, изрекающий благообразные речи. А на деле? Чистой воды бесстыдник! И ведь держится при этом с таким невозмутимым видом, будто всё в порядке вещей.

Я мысленно скрипнул зубами.

«Сущий оборотень в ангельском облики».

Бу Фэнчэн потянул за край единственного одеяния, прикрывавшего мое тело. Пальцы у него были прохладными, тонкими и длинными, с изящными очертаниями суставов. Когда он случайно задевал кожу, это не вызывало отторжения, но рождало странное, ни на что не похожее ощущение, которому я не мог найти названия.

Он бесцеремонно стянул ткань до самой поясицы. Что же, смотреть — это одно, а трогать — совсем другое. Я никогда не жаловал чужих прикосновений, но от обычных взглядов не съеживался.

Предстань я перед ним хоть в чем мать родила, мне и бровью бы вести не пришлось. К тому же взор Бу Фэнчэня оставался чистым и прозрачным, точно вода в глубоком колодце, — в нем не было ни капли липкой похоти или предвзятости. Вот только равнодушие в нем сквозило чересчур много.

Прекрасно знаю, что красотой не блещу, да еще и изуродован шрамами с ног до головы. Не девица-красавица, чего уж там. Будь у него даже самое пылкое сердце, при виде такого зрелища оно бы вряд ли затрепетало. Хорошо хоть сдерживать рвотные позывы не приходится — и на том спасибо.

«До чего же ледяной человек».

Он молча изучал мое изувеченное тело. Грудь пересекала жуткая сеть переплетенных рубцов. Следы Небесного грома ни капли не походили на ровные, аккуратные порезы от мечей или кинжалов; кожа выглядела так, словно по ней грубо прошли тупым орудием, оставляя рваные, обугленные борозды. Благодаря снадобьям Священных Врат раны затянулись, но зрелище по-прежнему оставалось пугающим и отталкивающим.

— Уродство, верно? — я усмехнулся.

Лекарства способны исцелить плоть, но стереть следы былой агонии им не под силу. Впрочем, плевать. Сам факт того, что я выжил, — уже чудо, глупо теперь жаловаться и привередничать. В конце концов, мне не в борделе телом торговать.

Шрамы красят мужчину, придают суровости. Главное — не перешагнуть ту грань, за которой доблесть превращается в безобразие.

— Действительно, — согласился Бу Фэнчэнь.

Вот же паршивец! Мог бы из приличия и приврать немного, язык бы не отвалился. Неужели все праведники из его ордена настолько прямолинейны?

Заметив мое помрачневшее лицо, он поднял взгляд. Уголки его губ едва заметно дрогнули в полуулыбке.

— Обиделся?

— Позвольте спросить, уважаемый господин Бу, вы уже налюбовались? — я криво усмехнулся.

От этой ухмылки стянуло рубцы на щеках, превращая лицо в жуткую маску. Представляю, насколько омерзительно я сейчас выглядел. И надо же — мой гость даже глазом не могнул. Точнее, продолжал созерцать меня со священным спокойствием изваяния.

Он мягко улыбнулся. И надо отдать ему должное: обещание свое сдержал. Он действительно почти не касался меня — лишь затаив дыхание всматривался в изувеченную грудь. Наконец Бу Фэнчэнь протянул руку и кончиком указательного пальца едва ощутимо провел по самому темному, обугленному рубцу. На этом его прикосновения прекратились.

Действительно ли он столь ревностно оберегает мое личное пространство, или ему попросту безразлично? Вопрос, требующий размышления.

Признаваться в этом не хотелось, но его прикосновение не вызвало у меня неприязни. Пусть даже сам он, скорее всего, коснулся меня лишь из врачебного долга. Уж простите, гордыня бывшего владыки все еще нашептывала мне старые глупости, от которых я никак не мог избавиться.

— Это снадобье куда действеннее того, что лежит у тебя в комнате, — Бу Фэнчэнь достал из-за пазухи изящный флакон из светлой яшмы и положил его рядом со мной. — Наноси раз в день, и через неделю от ран не останется и следа. Если не сможешь дотянуться до спины, попроси кого-нибудь помочь. Впрочем, сомневаюсь, что ты успел обзавестись здесь друзьями. Если хочешь, приходи сюда на закате, я помогу.

— Откуда такая уверенность, что у меня нет друзей? — я приподнял бровь. — И с чего ты взял,

будто я позволю тебе прикоснуться ко мне?

— Потому что я красив, — невозмутимо ответил он.

От подобного заявления у любого бы челюсть отвисла. Доля правды в его словах, конечно, имелась, но заявлять об этом столь прямолинейно — верх наглости.

Ну и что с того, что я падок на чужую красоту? Свою слабость я признаю открыто, без лишней стыдливости и жеманства. Я мужчина, а мужчинам свойственно желать прекрасного. Те же, кто строит из себя святош, попросту лгут сами себе.

Будем откровенны: если бы мне представился шанс подобраться к Бу Фэнчэню поближе, я бы с радостью позволил ему не то что спину обработать — хоть всего себя ощупать с ног до головы.

В Поднебесной полно пригожих лиц, но тех, кого действительно хочется покорить, — единицы. Принц Бай Хэ, явившийся мне в недавнем полузабытьи, определенно был из их числа. Но подобные ему несут лишь погибель: увлечение им уже стоило мне жизни. Стоящий же предо мной Бу Фэнчэнь манил куда сильнее, но и опасности в нем крылось больше. Свяжись я с ним — не просто голову сложу, а потеряю последнее, что у меня осталось.

Уж увольте, у меня нет ни малейшего желания стелиться перед кем-то в постели. Впрочем, сомневаюсь, что Бу Фэнчэнь горит желанием уложить меня. А вот у меня виды на него вполне определенные — только сверху и никак иначе.

— Ты что творишь? — я удивленно воззрился на него, почувствовав легкую щекотку на коже.

Бу Фэнчэнь уже откупорил флакон и осторожно капал прохладную жидкость на мои изуродованные ребра.

— Все равно заняться нечем, — невозмутимо отозвался он. — Помогу тебе.

<http://bllate.org/book/18233/1752207>